

ними... Всѣ стояли на колѣняхъ и, съ трудомъ сдерживая свои рыданія, хранили благоговѣйное молчаніе, прерываемое лишь голосомъ священника, читавшаго св. Евангеліе. Умирающій лежалъ спокойно, съ закрытыми глазами, нѣсколько согнувшись и не много на правомъ боку. Не было замѣтно никакихъ болѣзненно—судорожныхъ движеній тѣла. Такъ прошли томительные, ужасные 11 и 12 часы ночи. Наконецъ, въ половинѣ 1-го часа тяжелое дыханіе прекратилось. Императрица и Императоръ молча крестили умирающаго сына и готовы были принять послѣдній его вздохъ. Умирающій выпрямился во весь свой ростъ и повернулся на спину. Нѣсколько дыханій — все тише и тише... Еще одно дыханіе и страдальца не стало. Юная, глубоко—вѣрующая, чистая, полная самыхъ добрыхъ чувствъ и намѣреній, обѣщавшая такъ много добра Россіи, душа Царевича отлетѣла въ другой лучшій міръ. Наслѣдникъ одного изъ могущественныхъ царскихъ престоловъ земныхъ покинулъ землю, чтобы воспріять уготованное Ему Отцемъ Небеснымъ иное, лучшее царство мира и вѣчнаго блаженства.

Время показывало 12 часовъ и 50 минутъ ночи.

Императоръ оторвалъ Императрицу отъ раздиравшаго ея душу зрѣлища и, поддерживая ее, увелъ въ сосѣднюю комнату.

Роковая вѣсть, не смотря на поздній часъ ночи, немедленно и быстро разнеслась по городу, быстро разнеслась эта вѣсть и по всей Руси, отзывавшись глубокою скорбью въ сердцѣ русскаго народа.*)

IV.

«Мученикъ долга.»

„И Азъ животъ вѣчный дамъ имъ, и не погибнутъ во вѣки, и не восхититъ ихъ никтоже отъ руки Моєї“. (Іоан. 10, 28).

„Ибо вотъ нечестивые натянули лукъ, стрѣлу свою приложили къ тетивѣ, чтобы во тьмѣ стрѣлять въ правыхъ сердцемъ“ (Пс. 10, 2). Такъ писалъ еще св. царь-пророкъ Давидъ про жестокихъ, кровожадныхъ и безсердечныхъ, крамольныхъ истребителей лучшихъ общественныхъ силъ чело-

*) „Христіанинъ“ 1913 г. № 1.

чества. Жертвою такой безчеловѣчной жестокости сдѣлался безвременно погибшій отъ злодѣйской руки крамольника, на 52 году жизни, Предсѣдатель Красноуфимскаго уѣзднаго съѣзда Пермской губерніи, дѣйствительный статскій Совѣтникъ Сергѣй Абрамовичъ Свиридовъ. Въ 7 часовъ вечера 5 января 1908 года С. А. Свиридовъ занимался у себя въ кабинетѣ, — раздается звонокъ и прислуга впускаетъ въ переднюю, молодого человѣка, который спросилъ: „дома-ли баринъ“, и, получивъ отвѣтъ, что баринъ дома, не снимая шапки, проходитъ въ кабинетъ и, подавая Сергѣю Абрамовичу бумагу, какъ-бы прошеніе, стрѣляетъ въ него изъ револьвера. Пуля попадаетъ въ шею съ передней стороны и вылетаетъ на спинѣ. Проходитъ нѣсколько минутъ и провинціального богатыря мысли и дѣла, весьма уважаемаго стойкаго общественнаго работника на пользу мѣстныхъ нуждъ не стало среди живыхъ. Убийца послѣ выстрѣла бѣжалъ, сдѣлавъ еще нѣсколько выстрѣловъ, но будучи въ тотъ же вечеръ схваченъ и заключенъ въ тюрьму, оказался мѣстнымъ жителемъ Всеволодомъ Павловичемъ Рагозниковымъ, братомъ Рагозниковой, убившей въ Петербургѣ Максимовскаго.

Революціонеры торжествовали, что ихъ членъ совершилъ преступное дѣйствіе. Уже на другой день, 6 января, вечеромъ въ городѣ появились всюду разбросанныя прокламаціи, въ которыхъ партія социалистовъ, революціонеровъ извѣщаетъ, что Свиридовъ убитъ ими за то, что онъ стоялъ во главѣ комитета, мѣшающаго ихъ дѣйствіямъ на пользу народа, а больше за то, что по его ходатайству, въ Красноуфимскѣ были заведены конные стражники, эти заклятые враги ихъ, революціонеровъ. При воспоминаніи о семъ трагическомъ событіи невольно цѣпенѣетъ мысль, замираетъ сердце.. Отказывается языкъ говорить о многомъ. Слезы безъ удержа текутъ изъ очей. Убитый злодѣемъ стратотерпецъ долга не нуждается въ нашихъ человѣческихъ похвалахъ, въ вѣнкахъ, сплетенныхъ изъ цвѣтовъ. На челѣ его уже возложенъ терновый окровавленный вѣнокъ страдальца, сіяющій неземнымъ свѣтомъ. Но нашъ — оставшихся въ живыхъ священный долгъ, вспомнить объ этомъ заслуженномъ дѣятелѣ — мученикѣ за правду и изъ словъ создать ему новый неувядаемый вѣнокъ. Пусть не говорятъ злодѣи, „что уже ихъ нѣтъ“. Нѣтъ таковые жили и будутъ вѣчно жить въ благодарной памяти вѣрнаго долгу русскаго народа. О такихъ самоотверженныхъ исполнителяхъ долга надо писать, какъ умѣешь, но не молчать. Тутъ встрѣчаешь тѣ жизненные моменты, когда нельзя молчать, когда нужно отдавать должное тѣмъ, которые положили за насъ свой животъ. Пусть вѣрятъ всѣ, вѣрятъ несомнѣнно, что отъ могилъ ихъ идетъ свѣтъ, надъ

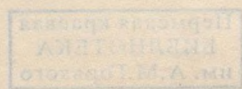
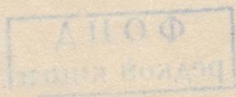
ними витает истинная Христова любовь, громогласно взывая: „Большая любовь — никтоже имеет, да кто душу свою положитъ за други своя“ (Юанн. 15, 13). Ихъ имена не должны забываться, а для вѣчной объ нихъ памяти вноситься на книжныя страницы, какъ дорогія и незабвенныя для насъ имена.

Покойный С. А. Свиридовъ происходилъ изъ потомственныхъ дворянъ. Образование получилъ въ Екатеринбургской гимнази, откуда вышелъ изъ старшаго отдѣленія 7 класса. Службу началъ съ 1876 года канцелярскимъ служителемъ 1-го разряда Камышловскаго мирового съѣзда, а затѣмъ былъ секретаремъ его. Въ 1879 году Красноуфимское земское собраніе избираетъ его на должность участковаго мирового судьи, а затѣмъ эти избранія повторяются періодически по истеченіи каждаго трехлѣтія. За ревностное служеніе, продолжавшееся веряду 12 лѣтъ въ должности мирового судьи С. А. Всемиловѣннѣе награждается орденомъ св. Анны 3 степени. Въ 1887 году онъ избирается предсѣдателемъ Красноуфимскаго мирового съѣзда, а затѣмъ въ 1888 и 1891 годахъ. Съ 1888 года Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ возлагается на него еще предсѣдательствованіе въ Красноуфимскихъ земскихъ собраніяхъ. Въ 1892 г. чрезвычайное Красноуфимское земское собраніе избираетъ С. А. предсѣдателемъ Красноуфимской земской управы, а очередное Пермское губернское собраніе почетнымъ мировымъ судьей по Красноуфимскому уѣзду. Въ 1893 году онъ назначается предсѣдателемъ Красноуфимскаго уѣзднаго съѣзда, въ каковой должности онъ состоялъ до дня смерти. Въ 1903 году по Высочайшему соизволенію назначается предсѣдателемъ 34 очереднаго Пермскаго губернскаго собранія. Съ этого времени всѣ послѣдующія губернска собранія велись подъ его предсѣдательствомъ. Кромѣ своихъ служебныхъ обязанностей, онъ несъ немало должностей выборныхъ и по назначенію, каковыя всегда выполнялъ съ полной аккуратностью и умѣлымъ тактомъ. Онъ состоялъ старшимъ и директоромъ Красноуфимскаго тюремнаго отдѣленія, почетнымъ блюстителемъ Артинскаго училища, предсѣдателемъ попечительнаго совѣта Красноуфимской женской гимнази, членомъ отдѣленія Красноуфимскаго епархіальнаго училищнаго совѣта, попечителемъ Ювинской миссіонерской школы, предсѣдателемъ Красноуфимской переписной комиссіи, попечителемъ Красноуфимскаго дѣтскаго приюта, Красноуфимскаго продовольственнаго совѣщанія. Это еще не всѣ перечислены нами должности, которыя несъ покойный. Изъ этого только перечня его служебной неутомимой дѣятельности видно, что онъ жилъ не для себя, а для блага народа. Обладая выдающимися природными талантами, онъ достигъ путемъ самообразования

высокаго уровня административныхъ способностей. Его вѣрность своему служебному долгу быстро вела по ступенямъ іерархической лѣстницы чиновъ и довела до чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника, украсила, какъ кавалера, многими орденами и знаками отличія. Во все дѣла покойный входилъ не поверхностно, а серьезно, а потому былъ освѣдомленъ основательно по всемъ отраслямъ поручаемыхъ ему дѣлъ, къ тому же обладалъ замѣчательной памятью. Къ земскимъ дѣламъ онъ относился также серьезно, въ полномъ смыслѣ этого слова, а потому былъ достойнымъ занимать должность предсѣдателя губернскаго земскаго собранія, какъ человекъ громаднаго земскаго опыта, обладающій должной выдержкой, корректностью, неутомимостью и выносливостью въ трудахъ. Онъ всеми силами старался давать понятъ легкомысленнымъ гласнымъ, что губернское земское собраніе въ своемъ многосложномъ трудѣ должно стремиться къ плодотворной работѣ, а не аренѣ митинговыхъ диспутовъ. Все губернскія земскія собранія С. А. проводилъ съ большимъ успѣхомъ, особенно было трудно проведеніе въ жизнь полезныхъ начинаній въ послѣдніе годы жизни нашей отчизны. Замѣтно послѣ смерти С. А. стала чувствительна утрата такого выдающагося общественнаго дѣятеля и администратора. Многие изъ знавшихъ покойнаго задавали себѣ вопросъ: „за что онъ былъ убитъ?“—За то, что былъ полезнымъ государственнымъ дѣятелемъ и твердымъ исполнителемъ долга, помнящимъ всюду и вездѣ св. присягу.

Послѣ смерти С. А. осталась многочисленная семья. 9 января состоялись торжественныя похороны почившаго С. А. Свиридова. Отдать послѣдній долгъ безвременно погибшему собралось нѣсколько тысячъ народа всякаго званія и состоянія. Тутъ были и учащіеся около 1000 человекъ и множество крестьянъ, пріѣхавшихъ изъ деревень отдать свой долгъ своему заступнику и печальнику. Возложено было до 30 вѣнковъ. Картина была весьма трогательна, текли слезы по ланитамъ не только у женщинъ, но и у мужчинъ.

5 января 1909 года, спустя годъ послѣ кончины, „Пермскія Вѣдомости“ помѣстили статью: „Свѣтлой памяти А. С. Свиридова“, которую, какъ дополняющую сказанное, не лишнимъ считаю привести: „5-го сего января исполнилась годовщина трагической смерти Сергѣя Абрамовича Свиридова. Вспомнимъ о немъ. Общество не должно забывать своихъ заслуженныхъ дѣятелей. Да такіе люди, къ счастью, не легко и вычеркиваются изъ жизни.

88/101 2

Съ какимъ мѣриломъ подойдемъ мы къ выдающейся личности покойнаго, какъ общественнаго дѣятеля и человѣка? Какой способъ оцѣнки незаурядной дѣятельности его изберемъ мы, чтобы съ нами согласились люди различныхъ взглядовъ и убѣжденій, не только друзья но и враги покойнаго? Такой способъ есть. Вѣдь Сергѣй Абрамовичъ болѣе 30 лѣтъ прослужилъ съ народомъ народу и даже убить—какъ народный врагъ. Кому же лучше знать покойнаго, какъ не самому народу? Такъ пойдемъ же къ этому народу и спросимъ его: зналъ—ли онъ Свиридова и что это за человѣкъ былъ? Спросимъ безъ выбора, первыхъ попавшихся на глаза крестьянъ гдѣ бы ихъ не встрѣтили: „у подвѣздовъ судовъ и палатъ“, у рыбацкаго огня, на ямскомъ облучкѣ, на деревенскомъ ночлегѣ.

Мы уже спрашивали и знаемъ отвѣты.—„Сергѣя Абрамовича—то? Да кто-жь его не знаетъ?! Ну, и человѣкъ былъ!... Этакихъ-то поискать.... Орель!... Голова!... Онъ, братъ, все зналъ!... Онъ за нашего брата, мужика, сильно заставалъ, даромъ, что строгій былъ... Требовалъ, чтобы все по совѣсти было, по закону... Мы къ нему съ своими нуждишками, да обидами—какъ къ отцу родному шли... Денно и ночью къ нему доступъ намъ былъ“...

— „Какого человѣка убили! Развѣ это можно?!.. Ну, допустимъ, повѣсили того варнака, убивца-то... Такъ, развѣ Свиридова голова одной какой-нибудь пустой головы стоила?... Убить-то всякъ дуракъ сможетъ, а вотъ они попробовали-бы сдѣлать такого человѣка, какъ Сергѣй Абрамовичъ былъ... Это другого сорта дѣло“.

Отмѣчаемая крестьянами доступность была одной изъ самыхъ характерныхъ чертъ покойнаго. Работая самъ съ утра до ночи и нерѣдко прихватывая значительную часть послѣдней, онъ принималъ всѣхъ, имѣющихъ къ нему дѣло, во всякое время. Погибъ онъ отчасти жертвой своей доступности для всѣхъ и cadaго. Вечеромъ, когда Сергѣй Абрамовичъ работалъ въ своемъ кабинетѣ, къ нему по обыкновенію безъ доклада—былъ допущенъ „герой“ современнаго движенія, съ отцомъ котораго покойный былъ когда-то въ дружескихъ отношеніяхъ и даже много помогалъ ему и его семейству“.

Одной рукой „герой“ подаль Сергѣю Абрамовичу сложенный листъ бумаги, какъ-бы прошеніе, а другой—предательски пустилъ въ него изъ браунинга смертельную пулю. И.... убѣжалъ. Бѣжалъ какъ Иуда послѣ предательства, проявивъ лишь ту разницу, что Искаріотъ все-таки удавился отъ стыда, а „освободитель“, по прибытіи на свою квартиру, спокойно занялся чаепитіемъ...

Вспомнимъ, какой ужасъ и какое негодованіе охватили все благомыслящее общество, когда надъ краемъ черной птицы пролетѣла скорбная вѣсть о неожиданной смерти Сергѣя Абрамовича.

Безпокойство и недоумѣніе обуяли всѣхъ... Погибъ вѣрный и неусыпный стражъ общественнаго порядка, погибъ маякъ—скала, богатырской грудью отразившій въ пору лихолѣтья яростный прибой мутныхъ волнъ пресловутаго „движенія“. Не хотѣлось вѣрить ужасной вѣсти, умъ протестовалъ противъ возможности гибели необходимаго и дорогого человѣка и тѣмъ страшнѣе была жестокая дѣйствительность!

Вспомнимъ, какъ на утро послѣ смерти Сергѣя Абрамовича мы сошлись у его праха... Онъ лежалъ серьезный и важный, можно сказать, величественный, строго сдвинувъ брови на навѣски сомкнувшимися глазами.

Такое выраженіе могло быть только у человѣка, исполнившаго свой долгъ до конца, до самой смерти... Сквозь слезы смотрѣли мы на спокойное благородное лицо погибшаго, на эту красивую, словно изъ слоновой кости выточенную голову, въ которой рука безумца святотатственно затушила огромный свѣтлый умъ. Да! Враги знали, что дѣлали: такого человѣка нельзя было ни купить, ни передѣлать,—его можно было только убить!

Вспомнимъ, какъ провожали мы его въ далекій невѣдомый путь. Соборъ не вмѣщалъ всѣхъ, пришедшихъ дать послѣднее цѣлованіе покойному, и народъ толпился на площади. Въ тѣсной людской стѣнѣ, сомкнувшейся возлѣ дорогого праха, бросались въ глаза магометане и язычники черемисы. На всѣхъ лицахъ лежала неподдѣльная скорбь... Невиданный въ Красноуфимскѣ лѣсъ вѣнковъ вѣталъ вокругъ гроба. Трогательныя задушевные надписи на ихъ лентахъ какъ бы сливались въ одинъ доминирующій аккордъ: „Больши сея любви никто-же имать, аще душу положить за други своя“... Малолѣтнія сироты покойнаго, съ дрожащими отъ сдерживаемыхъ рыданій губами, вematривались глазами, полными слезъ, въ дорогое лицо... Тутъ-же сидѣла вдова покойнаго. Она не плакала. Слезъ уже не было... И всѣ поклонившійся изображенію Распятаго и праху убиеннаго, низко кланялись и ей. Великому горю ея кланялись...

Была въ соборѣ еще одна мать... Что думала и чувствовала она раньше, не знаемъ. Но должно быть только при видѣ этихъ дрожащихъ отъ слезъ дѣтскихъ губъ, при видѣ сухихъ глазъ вдовы и общей неподдѣльной печали—поняла она вполне весь ужасъ, весь страшный смыслъ совершеннаго злодѣянія... И вмѣстѣ съ

синими струйками ладона и скорбными пѣснями Іоанна монаха въ высь соборнаго купола полетѣли истерическія вопли несчастной женщины: — Дѣти мои, что сдѣлали?! Господи! — „Вѣдь я же просила Тебя“!...

Вспомнимъ о немъ: И кромѣ того памятника, который воздвигнетъ скоро надъ его прахомъ благородное общество, постараемся почитать его и другимъ: послужимъ такъ-же, какъ онъ служилъ — безвѣстно, до конца, до смерти — великой народной идее „Вѣра, Царь, Россія“...

Больно становится за человѣка и за его жену и дѣтей сиротъ. Доколѣ будутъ совершаться такія безумныя и жестокія преступленія, ужасъ и бессмысліе которыхъ отказывается понимать человѣческой разумъ.

Какая безумная сила послала этого отверженнаго и несчастнаго злодѣя убить невиннаго отца многочисленной семьи? Эта сила — то сборище безчеловѣчныхъ враговъ нашей родины и жестокихъ изверговъ, кои уже давно стремятся погубить Россію. Этой силѣ мало было крови вѣрныхъ царскихъ слугъ, мало моря слезъ, пролитыхъ родиной... Этой силѣ мало было ужасовъ и безумія недавнихъ лѣтъ... Понадобилось новое убійство, новая смерть, новыя слезы. Не пощадили безвинную супругу, не пощадили невинныхъ дѣтей сиротъ, причинивъ имъ сердечную боль, страданіе, несчастье...

Ужасъ преступленія не трогаетъ жестокость этой силы, мученія жертвъ не причиняютъ раскаянія, а слезы невинныхъ сиротъ не дѣйствуютъ на преступную совѣсть изверговъ. Но настанетъ тотъ часъ возмездія всеѣмъ злодѣямъ и ихъ подстрекателямъ, и можетъ быть онъ близокъ, когда не въ силахъ будутъ они скрыться отъ взора Грознаго и Нелицепріятнаго Судіи. Мученія жертвъ преступленія и слезы невинныхъ сиротъ будутъ въ предѣлахъ вѣчности жечь проснувшуюся совѣсть этихъ забывшихъ человѣское достоинство отверженцевъ.

Души-же убіенныхъ страдальцевъ переходятъ отъ насъ въ вѣчныя обители Отца Небеснаго, гдѣ уготовано имъ по достоинству мѣсто упокоенія и вѣчнаго блаженства. *)

За вѣру, Царя и родину пріавшаго мученичество, положившаго жизнь свою за други своя раба Твоего Сергія, сподоби, Судіе Праведнѣйшій, одесную Тебе стати!...

Игуменъ Серафимъ.

*) Они не будутъ уже ни алкать, ни жадать и не будетъ палить ихъ солнце и ни какой зной; ибо Агнецъ, который среди престола, будетъ пасти ихъ и водить ихъ на живые источники воды, и отреть Богъ всякую слезу съ очей ихъ. (Апок. VII, 16—17).